

Очевидно, наступило время смены методической тактики. Свободный топонимический опрос должен смениться направленным (или включить в себя его элементы). Накопленные знания помогают выработать определенный стандарт, позволяющий искать конкретные топонимы на конкретных территориях, что уже было апробировано во время экспедиционных выездов на территории былого расселения летописной мери в 1996—1997 гг. С другой стороны, назревает потребность к переходу на методику свободного опроса при сборе диалектной лексики — ненаправленная (точнее, нестандартизированная) беседа позволит выявить новые идеографические области, которые сейчас лишь случайно “нащупываются” в ходе направленных бесед.

Закончен большой этап. Можно начинать сначала.

Б. Б. Овчинникова

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЛООСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1987—1997)

Исторический Северо-Западный Кавказ не совсем совпадает с географическим. В него не включаются территории, на которых еще в древние времена возникли государственные образования: Таманский полуостров, юг Черноморского побережья Кавказа, а также Закубанья, где природные условия степей определили несколько иной ход развития цивилизации, нежели в горах. Впрочем, изучаемый регион тоже необходимо разделить на две части — горную и приморскую. Вторая, наиболее подверженная влияниям извне, явилась своеобразным местом взаимодействия между горами Северного Кавказа и государствами Причерноморья. Несомненна преемственность между древними племенами этого региона (зихи, гениохи и др.) и адыгскими народами (адыги, или черкесы, кабардинцы, абазины и др.). Изучение их культуры и взаимоотношений вносит существенный вклад в исследование данной этнической ситуации, к тому же вообще мало освещенной в литературе. В этом плане работы, предпринятые Лооской археологической экспедицией Уральского университета в Лазаревском районе г. Сочи имеют определенное значение.

Раскопки в указанном районе, начатые в 1987 г., ведутся непрерывно под руководством автора уже десять полевых сезонов¹. За эти годы была заложена основа общей оценки исследуемых уникальных памятников, их культурного слоя, сложилось представление о периодах их функционирования, этнической принадлежности и роли в средневековой истории восточно-прибрежной полосы Северного Причерноморья. В деятельности экспедиции наметились определенные направления и этапы.

С 1987 по 1991 гг. проводилось изучение памятника церковной архитектуры — храма возле пос. Лоо. Памятник ко времени раскопок представлял собой заброшенные развалины храма, на территории которого и в его окрестностях росли многолетние деревья (возраст их около 100—150 лет.) и мелкий кустарник. Северная стена, покрытая плющом, сохранилась *in situ* (лат. “в.месте нахождения”) и в части портала достигла свыше 7,0 м в высоту. Частично просматривались фрагменты западной стены и апсид. Южная стена рухнула, упавшая кладка ее монолитом лежит с внешней стороны храма. Здесь же к востоку от монолита прослеживалась кладка в высоту более 2,0 м, идущая перпендикулярно линии южной стены. Внутри храма, особенно в алтарной части и около западной стены, лежали массивные фрагменты кладки стен и апсид.

Тщательно выполненный архитектурно-археологический обмер дал возможность уточнить размеры плана, фасадов и отдельных деталей здания.

¹ Более подробно об исследованиях Лооской археологической экспедиции УрГУ (ЛАЭ УрГУ) см.: Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа: Материалы конференции, посвященной итогам исследований ЛАЭ УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи (1987—1996), 14—16 февраля 1997г. Екатеринбург, 1997.

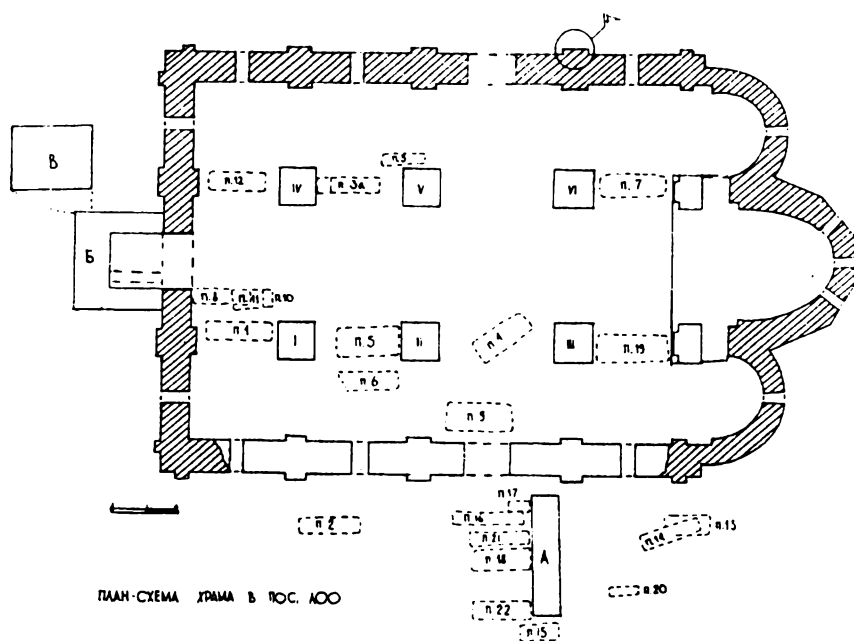


Рис. 1. План-схема храма в пос. Лоо (А, Б, В — строительные конструкции храма; П1, П2, ... — погребения; римскими цифрами обозначены столбы)

Общая длина храма с пилястрами и апсидами — 21,0 м, ширина — 12,25 м, толщина стен — 1,10 м. План Лооского храма читается достаточно четко (рис. 1). Это базиликального плана трехнефное, шестистолбное, с тремя апсидами культовое сооружение с выдвинутыми вперед остатками южного и западного притворов. В трех метрах от западной стены при раскопках был зафиксирован фундамент прямоугольного в плане башенного строения. В центре храма симметрично расположены четыре свободно стоящих столба, правда, сохранились лишь основания, составляющие квадрат в плане (3,5×3,5 м). Вероятно, это и есть опора купола. Средняя апсида несколько удлинена. Пол центральной апсиды поднят над уровнем пола центрального нефа на 0,25—0,30 м. Возвышение оформлено в виде бемы. Отрезки стен, разделяющие апсиды, представлены пилястрами. Обмерами установлено, что как внутренние, так и наружные пилястры соответствуют расположению внутренних столбов. Западная часть помещения отделена от основной парой столбов.

Храм освещался узкими (при ширине 0,4 м) оконными проемами с арочным завершением, выполненным из известковых плит и плит ракушечника. При раскопках обнаружены фрагменты зеленовато-голубого оконного стекла. Возможно, им были застеклены окна Лооского храма. При исследовании химического состава стекла научным сотрудником Института истории и материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) В. А. Галибиным был применен спектральный анализ и составлены графики процентного распределения химических элементов во фрагментах оконного стекла. В результате исследований В. А. Галибин определил, что все фрагменты принадлежат к одному химическому типу, но к двум разным партиям одной мастерской. Он отмечает византийское происхождение стекла и указывает, что стекло подобного химического состава появляется не ранее X—XII вв.

С внешней стороны в оформлении стен храма в ряде мест сохранились остатки облицовки, которая имитировала блоки, употребляемые в других памятниках этого круга для сооружения церквей. В период функционирования храма именно эти облицовочные блоки сплошными рядами покрывали внешнюю его поверхность, что придавало сооружению пышность и блеск: с моря он смотрелся белокаменной церковью с красноватого цвета черепичным покрытием. О последнем свидетельствуют массовые скопления обломков керамид и калиптеров, выявленных при раскопках храма. Хотелось бы отметить еще одну особенность в строительстве настоящего храма — расчлененность фасадов южной, северной и

западной стен пилястрами, которые, вероятно, переходят в арочные полукружия. Подобная трактовка фасадов не свойственна культовым памятникам Западного Кавказа. Однако она широко распространена в Закавказье в XI—XII вв. С восточной стороны храма находятся три апсиды — пятигранная центральная и полукруглые боковые. Такое сочетание свойственно многочисленным памятникам как в восточных областях Византийской империи, в Крыму, на Кавказе, так и на Руси.

Следов резного декора на стенах храма не сохранилось. Однако в процессе раскопок было найдено несколько фрагментов с резным орнаментом, причем часть их обнаружена уже в кладке сохранившихся стен существующего здания. Возможно, это свидетельство того, что храму предшествовала находившаяся здесь церковь, материалы которой впоследствии были использованы для строительства дошедшего до нас в развалинах Лооского храма. Кроме того, встречен облицовочный блок со следами граффити, представляющими собой отдельные буквы греческого (?) алфавита.

В результате изучения памятника удалось вскрыть ряд погребений как на территории самого храма, так и за его пределами с южной стороны. Они относятся к различным периодам функционирования культового комплекса. Большая часть захоронений представлена безынвентарными могилами, в которых покоились погребенные (головой на запад). В некоторых могилах встречен незначительный сопровождающий покойного инвентарь.

Если суммировать все вновь полученные данные, то можно считать, что Лооский храм функционировал в X—XIV вв., не ранее. Замечу, что в этот период он неоднократно подвергался перестройкам и доростройкам.

В истории Лооского храма просматривается несколько строительных периодов, которые можно подтвердить материалами, полученными в процессе исследований.

Появление в пос. Лоо храма в размерах, сохранившихся по части фундамента, можно отнести к XI—XII вв. Возник он, вероятно, как свидетельство существования на данной территории византийской традиции, но уже с элементами грузинской архитектуры. Однако просчеты зодчих, которые не учли сейсмической неблагонадежности района, построив здание, вероятно, большей высоты, чем позволяли условия, а также недостаточное внимание к рельефу местности повлекли за собой его разрушение. Произошло это, очевидно, в XIII в.

Храм был восстановлен в XIV в. В это время на данной территории расширяется власть монастырей. Процесс христианизации зашел настолько далеко, что следующие столетия заполнены войнами между христианами-адыгами и дагестанскими “гази”, в которых последние потерпели поражение. А пока, в XIV в., интенсивно обновляются старые церкви и строятся большие храмы зального типа. Видимо, в это время идет реставрация храма в пос. Лоо. Именно это отреставрированное, а скорее всего — выстроенное заново на месте старого культовое сооружение и сохранилось в развалинах сегодня. Об этом весьма убедительно свидетельствует использование в забутовке при кладке стен нового здания известняковых блоков с резным орнаментом, которые по аналогии датируются X—XII вв. Дополняются сведения и вскрытыми захоронениями конца XIII—XIV в.

Через одно-два столетия в силу разрушения храм в Лоо перестает быть действующим, но и в таком состоянии он вновь привлекает к себе внимание, только уже в ином качестве — как убежище. Об этом убедительно свидетельствуют находки каменных ядер, гильз, металлических предметов XV—XVII вв. Своды обрушились. Окна храма частично закрываются кладкой, превращаясь в бойницы. Со стороны моря так же закрывали и дверные проемы (с запада и юга), оставляя вход лишь с севера. Возможно, в это время за западной стеной храма сооружается сторожевая башня, фундамент которой и был обнаружен раскопками экспедиции. О функционировании храма в Лоо в качестве укрытия-крепости говорит и тот факт, что на картах Причерноморья XIX в. он обозначен как развалины крепости. Таким образом, если вернуться к истории храма в пос. Лоо, то истоки архитектурных влияний следует искать в византийской инженерной мысли, по канонам которой создавалась церковная архитектура на прибрежной полосе Черного моря. Однако при наличии общих черт в композиции храма и его пропорциях следует отметить и локальные отличия. Объясняются они иными условиями строительства и применением местных строительных материалов. Последнее позволяет считать Лооский храм памятником церковной архитектуры, характеризующим культуру автохтонного населения данного региона, исповедующего христианство, в эпоху средневековья.

Первым из русских историков, заметивших то, что домусульманской религией обитателей Северо-Западного Кавказа было христианство, является Н. М. Карамзин². Он же обра-

² См.: Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 3. Кн. 1. М., 1968.

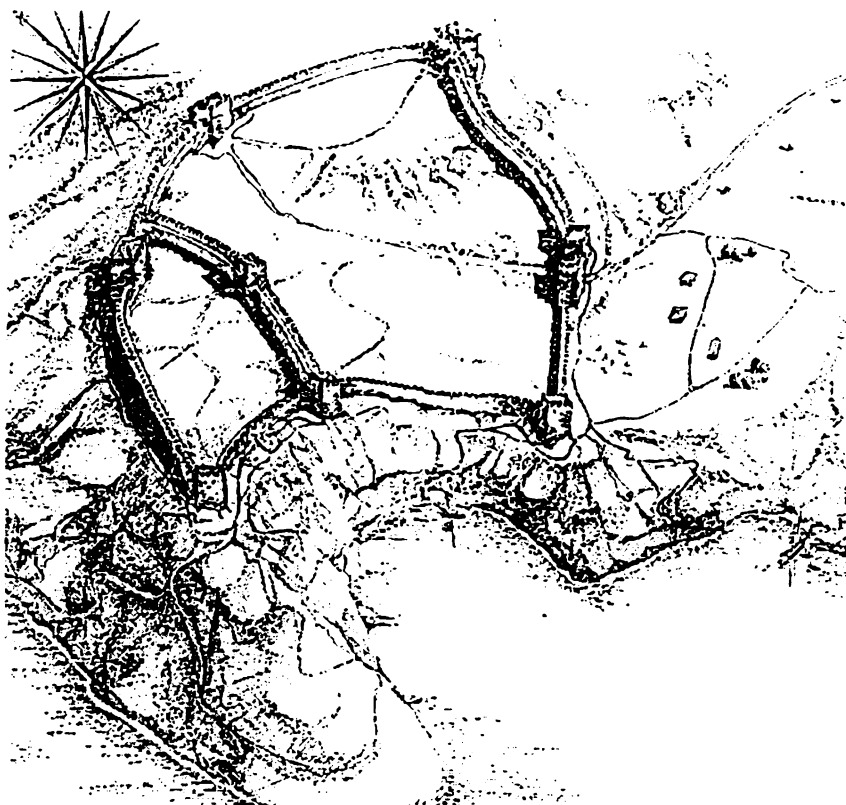


Рис. 2. Крепость Годлик (реконструкция В. И. Симиненко)

тил внимание на развалины храмов Черноморского побережья как на главнейшее доказательство широкого распространения старой веры. В работах советских историков этой проблеме практически не уделялось внимания. Скудость письменных сведений и малоизученность памятников материальной культуры в данном регионе отодвигали ее решение. В связи с этим изучение храма возле пос. Лоо в какой-то степени восполняет недостающее звено в решении этой проблемы. В перспективе изучения вопросов, связанных с принятием и распространением христианства в Приморской полосе Северо-Западного Кавказа, уже сегодня представляется возможным выделить три этапа истории христианства. *Первый* (VI—XI вв.) характеризуется распространением новой религии преимущественно среди знати Побережья, тесно связанной с Византийской империей. К концу его, видимо, православие проникает в более широкие круги населения, переплетаясь с элементами язычества. На *втором этапе* (XI—XV вв.) в ходе внутрирегиональных миграций оно распространяется на восток и в горные районы, однако пришедшие вслед за генуэзскими колонизаторами католические миссионеры (XIII—XV вв.) подрывают православие, а с мусульманами ведется непрерывающаяся война. Последнее стало одной из многих причин, обусловивших на *третьем этапе* (XV — нач. XVIII в.) упадок, а затем — последующую гибель христианства и торжество ислама на большей части Северного Кавказа. В некоторых его районах возродилось язычество, смешанное с остатками православия.

Раскрывая вышеизложенные положения, необходимо более четко представлять и этническую историю региона в эпоху средневековья. Решению этой проблемы помогут в определенной степени и материалы, полученные в результате археологических раскопок ЛАЭ УрГУ на храме возле поселка Лоо.

С переносом археологических работ в 1992 г. в район нового памятника — средневековой крепости в устье р. Годлик Лазаревского района г. Сочи (рис. 2) — начался второй этап

стационарных полевых работ ЛАЭ УрГУ. Работы на этом фортификационном памятнике носили комплексный характер с целью подготовки объекта к дальнейшей консервации, частичной реставрации и музеефикации.

Сложность исследования данного памятника состояла в том, что на развалинах старой крепости, внутри ее стен была размещена воинская часть. Территория бывшего крепостного двора полностью изуродована современными постройками. На месте предполагаемого надвратной башни устроено здание КПП. После снятия мощных завалов современного мусора, после расчистки участков стен от зарослей были частично открыты сохранившиеся в ряде мест нижние ряды кладки, цоколя и подстилающего слоя под крепость. Все это позволило уточнить конструкцию оборонного сооружения и выявить строительные особенности. Были начаты работы по консервации и реставрации отдельных фрагментов крепостного ансамбля.

Основные конструктивные особенности крепости в устье р. Годлик ясно свидетельствуют о весьма продолжительном ее функционировании, возможно, на протяжении более десяти столетий. Естественно, этот период не был непрерывным, он отмечен взлетом и падением, разрушением и восстановлением, но уже в новых строительных решениях и в зависимости от этнической принадлежности на определенных хронологических этапах.

Особенности строения в крепости Годлик характеризуются разнообразными техниками кладки крепостных стен, причем во многих хронологических периодах строения соблюдается римско-византийская традиция кладки — двухпанцирная с внутренней забутовкой.

Находки, представленные в основном фрагментами керамики, позволяют предположить существование крепости в период VIII—XVI вв.

Наряду с византийскими традициями в технике ее строения наблюдаются новые элементы в характере панцирной кладки: появляются сейсмостойчивые выравнивающие ряды панциря из плинф. Здесь прослеживаются уже сложившиеся местные архитектурные приемы и формы, которые встречаются и на других древних крепостях этого региона: Хостинская, Бешенка-2 и др.

На какой-то период жизнь в крепости Годлик замирает и вновь бурно возобновляется в XIV—XV вв. Именно к этому времени можно отнести конструктивные изменения, когда на территории внутри крепостного двора, ближе к береговой линии, строится дополнительная стена, отделяя “цитадель”. В кладке последней очевидны новые строительные приемы, не характерные для местных сооружений — применяется принцип кладки “в елочку”, известный генозской технике строения.

Рекогносцировочные исследования крепостного двора “цитадели” обнаружили площадку, некогда занятую установленными в материковые ямы пифосами, в которые, скорее всего, могло ссыпаться привозимое зерно. Вероятно, здесь же производилась и его обработка, т. е. на этой территории раскопками обнаружено несколько фрагментов, а порой и целые зернотерки. Здесь же найден “клад” свинцовых грузил(?).

Таким образом, накопленный материал в результате раскопок крепости Годлик уже сейчас требует определенного обобщения и дает основание для попытки включения данного фортификационного памятника в широкий историко-культурный контекст, связанный со взаимодействием Византии и ее понтийских соседей.

Очевидно, что наличие в данном регионе крепостных укреплений с характерной византийской кладкой и более поздними генозскими перестройками, а также культовых памятников христианского зодчества дает возможность предполагать, что именно этот район — прибрежная полоса Северо-Западного Кавказа — являлся своеобразным пограничьем политического взаимодействия и культурного взаимообогащения европейских цивилизаций с народами Кавказа.